

В. М. ЛЕЙБИН

Одиночество Игоря Кона

Автор статьи, опираясь на автобиографические сведения из трудов И. Кона и опыт многолетнего личного знакомства, анализирует феномен одиночества ученого. Феномен имманентно парадоксальный, и по этой причине во многом обуславливающий творчество и путь личностного развития выдающегося человека.

Ключевые слова: Игорь Кон, одиночество, отчуждение, смерть, формирование личности.

The author of article analyzes a phenomenon of loneliness of the scientist. The author is leaning against autobiographical data from I. Kon's works and from the experience of long-term personal acquaintance. The phenomenon is immanently paradoxical, and for this reason in many respects causing creativity and a way of personal development of the outstanding person.

Keywords: Igor Kon, loneliness, alienation, death, formation of the person.

За три года до своей кончины Игорь Семенович Кон опубликовал, по сути, автобиографическую книгу “80 лет одиночества”. В ней он не только подвел итоги своей жизни и научной деятельности, но и воспроизвел историю развития отечественной философии, социологии, педагогики и сексологии через призму личного восприятия событийности происходящего.

Было ли название этой книги навеяно ассоциациями, связанными с романом колумбийского писателя Г. Гарсиа Маркеса “Сто лет одиночества”, в котором все герои испытывают отрешенность от жизни и страдают от одиночества? Отразилось ли в нем собственное ощущение “выпадения” из советской действительности, в рамках которой Кон родился, получил высшее образование и стал ученым, а также его “невписываемость” в постсоветское пространство, пронизанное духом меркантильности?

К сожалению, после выхода в свет книги “80 лет одиночества” я как-то не решился спросить автора, почему он предпочел именно такое, странное на первый взгляд, название. И хотя мы с ним были давно знакомы и даже жили по соседству, так что имели возможность обмениваться мыслями не только по профессиональным, но и по житейским вопросам, я так и не успел спросить его, как он относился к тому состоянию, которое назвал одиночеством, как оценивал его и насколько оно мешало или, напротив, способствовало течению его жизни вообще и интеллектуальному развитию в частности.

Полагаю, что название книги, содержащее термин “одиночество”, может вызвать у многих представление об ее авторе как о несчастном, отрешенном от жизни, замкнутом человеке. И в этом нет ничего удивительного, поскольку в обыденном сознании одиночество ассоциируется, как правило, с чем-то негативным, социально неприемлемым, мучительно переживаемым, подрывающим основы жизнедеятельности. Да и названия некоторых разделов книги типа “Чужой среди своих” способствуют пред-

---

Лейбин Валерий Моисеевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института системного анализа РАН.

ставлению об ее авторе как о человеке, испытывавшем дискомфорт даже среди тех, с кем ему приходилось общаться в силу своих профессиональных интересов.

Если учесть, что Кон никогда не был женат, не имел детей и опыта семейной жизни или, как он сам говорил, ему не было дано построить дом, посадить дерево и воспитать сына, он вполне может выглядеть в глазах читателей страдающим от одиночества. В то же время подобное представление о Конне не вяжется с широким общественным признанием его академической и популяризаторской деятельности. Публикация многочисленных книг и статей в самых различных издательствах не только в России, но и во многих странах мира, длительные командировки в Германию, Францию и США, где он проходил стажировки и получал гранты на осуществление научных исследований, выступления на радио и по телевидению, переписка со многими отечественными и зарубежными учеными, участие в международных и российских конгрессах, симпозиумах и конференциях, чтение лекций в различных вузах, восхищение, с которым многие студенты воспринимали этого блестящего лектора и высокоэрудированного человека, – все это как-то не укладывается в представление о нем как об одиноком, отрешенном от людей и замкнувшемся в своем внутреннем мире человеке.

Судя по всему, автор книги “80 лет одиночества” осознал парадоксальность подобного положения. Не случайно в марте 2008 г. в частной переписке с ныне проживающим и работающим в США профессором Б. Докторовым, который любезно предоставил мне подготовленный совместно с Л. Столовичем к печати материал, Кон охарактеризовал противоречие саморефлексии следующим образом: “Человек говорит об одиночестве и невостребованности, а сам все время находится в центре общественного внимания и не такого уж враждебного; что это – эгоцентризм, завышенный уровень притязаний или что-то более сложное?”.

Разумеется, можно быть одиноким даже в толпе поклонников и не страдать от одиночества, находясь наедине с самим собой. Можно чувствовать себя одиноким, будучи не стесненным ни территориальными границами, ни временными рамками, и не испытывать одиночества в замкнутом пространстве, в одиночной камере тюрьмы. Так о каком же одиночестве могла идти речь в автобиографической книге Конна?

Сам он называл свое одиночество интеллектуальным, определяя суть этого состояния так: “Хотя тебя все вроде бы знают, ты везде остаешься более или менее посторонним” [Кон, 2008, с. 392]. В подобном определении есть свой резон, обусловленный личностным аспектом междисциплинарности, то есть самой спецификой научных исследований Конна (философия, социология, психология, сексология).

Однако мне представляется, что этому многогранному ученому и скромному человеку было свойственно особое одиночество. То одиночество, которое способствовало формированию его внутреннего мира. То одиночество, благодаря которому он стал ученым с мировым именем. То одиночество, которое позволило ему оставаться самим собой, несмотря на все перипетии развития отечественной научной и политической мысли. Наконец, то одиночество, в рамках которого он не только не утратил связь с другими людьми, но и проявлял живой интерес к изменениям, происходящим в России за последние два десятилетия.

Полагаю, что Кон действительно испытывал потребность в подобном одиночестве, вопреки обыденным представлениям, согласно которым человек – это социальное, общественное существо, нуждающееся в постоянном контакте с себе подобными. Одиночество не в меньшей, а быть может, и в большей степени способствует рождению личности и формированию ее уникального “Я”. В этом смысле одиночество – необходимая, существенно важная и плодотворная часть жизни человека, который, говоря словами Н. Бердяева, имеет “священное право” на подобное состояние [Бердяев, 1993].

Думается, что Кону было свойственно то особое одиночество, которое позволило ему не только стать неординарной личностью, но и высказать нетривиальные мысли, нашедшие отражение в широко известных публикациях: “Социология личности” (1967), “Открытие Я” (1978), “В поисках себя. Личность и ее самосознание” (1984),

“Мужское тело в истории культуры” (2003), “Мужчина в изменяющемся мире” (2008), “Мальчик – отец мужчины” (2010).

Моя первая встреча с Коном проходила на фоне столпотворения в самой большой аудитории исторического факультета Ленинградского государственного университета. Это было в 1966 г., когда я, студент первого курса философского факультета, посещал не входящий в обязательную программу обучения курс по социологии личности, который читал для всего университета 46-летний профессор Кон. Самая большая аудитория оказалась столь переполненной, что некоторым студентам приходилось стоять в проходе. И через какое-то время лекции профессора Кона были перенесены в актовый зал основного здания университета, который также оказался переполненным.

Уже в то время одиночество Кона сопровождалось постоянными контактами со студентами, среди которых будущие физики и математики составляли основной контингент тех, кто посещали его курс лекций. Он, будучи гуманитарием по образованию, защитившим две кандидатские диссертации (по истории и по философии) в двадцатидвухлетнем возрасте и став доктором философских наук в 32 года, легко находил взаимопонимание с молодыми представителями точных наук.

На третьем году обучения я слушал обязательный курс лекций Кона на философском факультете. Не помню точно, произвел ли на меня этот курс какое-либо особое впечатление по сравнению с ранее прослушанным курсом лекций по социологии личности. Зато помню отчетливо, что именно в рамках общеуниверситетского курса, который я посещал от начала до конца, из уст Кона я впервые услышал имя З. Фрейда и впервые узнал кое-что о психоанализе.

Для меня, отслужившего три года в армии и приобщавшегося к ранее не знакомым идеям, все было в новинку. И я настолько заинтересовался психоанализом, что, будучи студентом, перечитал все имевшиеся в университетской библиотеке работы Фрейда, которые были переведены на русский язык и изданы в нашей стране в 20-х годах XX столетия. Так, не ведая того, Кон дал первоначальный толчок к пробуждению моего интереса к психоанализу.

К сожалению, в университетской библиотеке было слишком мало не только работ Фрейда, но и зарубежной психоаналитической литературы. Поэтому мне пришлось сперва добиться разрешения посещать библиотеку Академии наук, а позднее перебраться в Москву, чтобы иметь возможность удовлетворить проявленный к психоанализу познавательный интерес.

На пятом курсе я умудрился устроиться на семимесячную стажировку в МГУ и почти все это время посвятил изучению психоаналитической литературы, а также отечественных и зарубежных работ по проблеме отчуждения. Интерес к последней проблематике был обусловлен знакомством со статьями Кона [Кон, 1966; 1967], в которых были высказаны нетривиальные идеи, раскрывающие природу феномена отчуждения.

Полагаю, что именно благодаря знакомству с трудами Кона, я и выбрал тему своей дипломной работы: “Проблема отчуждения в современной американской философии и социологии”. В списке литературы у меня было 262 наименования, включая не только книги и статьи, специально посвященные проблеме отчуждения, но и труды А. Адлера, З. Фрейда, Э. Фромма. Хотя отчуждение и одиночество тесно переплетаются между собой, однако в то время, когда я имел возможность ознакомиться с соответствующими статьями Кона, я не соотнес эти два явления между собой.

Сегодня, осмысливая специфику одиночества Кона, мне представляется, что еще в 1960-х гг. этот высокообразованный и широко эрудированный ученый понимал существенную разницу между двумя этими феноменами или, во всяком случае, вплотную подошел к подобному пониманию. Понимал ее не только как вдумчивый исследователь, но и, скорее всего, как человек, которому ничто человеческое не было чуждо. Во всяком случае, 20 лет спустя он обратился к осмыслению многоплановости и многозначности одиночества (см. [Кон, 1986]).

Так уж случилось, что семь лет спустя после моего переезда в Москву Кон внес свою лепту в мою профессиональную деятельность. К тому времени в Политиздате лежала моя рукопись по психоанализу, и издание данной работы зависело от рецензии на нее. Оказалось, что рукопись была послана Кону, рецензия которого оказалась весьма лаконичной (всего полторы страницы) и положительной. Этого было достаточно, чтобы моя книга “Психоанализ и американский неофрейдизм” вышла в свет в 1977 г.

Что меня удивило в этой рецензии, так это отсутствие каких-либо клише, обрамленных в научную терминологию. Простым и ясным языком Кон выразил свое мнение, отметив те плюсы и минусы, которые счел необходимым донести до сведения автора работы и руководства издательства. Это был для меня весьма полезный и поучительный урок, связанный с возможностью выражать свои мысли лаконично и по существу, не прибегая ни к каким заумным рассуждениям. С тех пор в своих публикациях я пытался как можно проще писать о самых сложных проблемах и процессах, относящихся к различным сферам научного знания, включая психоанализ.

Я был удивлен и тому, что несколько лет спустя обнаружил в работе Кона [Кон, 1984] ссылку на мою статью, в которой, опираясь на толковый словарь В. Даля, внесли пояснения относительно того, что термин “самость” имеет русские корни и обозначает “однличность”, “одноподлинность”. Удивлен, поскольку не представлял себе, что маститый ученый может не только обратить внимание на статью молодого автора, но и отметить справедливость его суждения о не совсем точном переводе английского *self* как “Я”.

В 1985 г. Кон переехал из Ленинграда в Москву. Он поселился в квартире, расположенной в том же доме и даже в том же подъезде, в котором уже на протяжении десяти лет я обитал со своей семьей. Поэтому нет ничего удивительного, что вскоре состоялось наше личное знакомство. Кон познакомился с моими детьми, а мы с женой – не только с известным ученым, но и с его мамой, которая с гордостью рассказывала нам о своем сыне и охотно делилась воспоминаниями о его жизненном пути.

Из того, что и как она рассказывала о себе, своем сыне и взаимоотношениях между ними, нетрудно было понять, какая тесная связь существовала между матерью и сыном. Позднее, в книге “80 лет одиночества” Кон особо подчеркнул, что мама посвятила ему всю свою жизнь и всемерно помогала его развитию. В этом отношении он не был одинок. Напротив, большая часть его жизни прошла в тесном единстве с матерью, которая, оставаясь без мужа, с момента рождения сына и до своей кончины в 1989 году, постоянно заботилась не только о его здоровье, но и о его интеллектуальном развитии.

Разумеется, его маме приходилось много работать, чтобы обеспечить создание необходимой материальной базы и интеллектуальной атмосферы, которые, несомненно, способствовали развитию ребенка, подростка, а затем и студента. В те трудные послевоенные годы, когда проходило детство и формирование личности Игоря Семеновича, его работающая мама не могла проводить все свое время с сыном. По воспоминаниям Кона, чтобы во время длительной болезни в шестилетнем возрасте ему не было одиноко, мама подарила ему белого крысенка, который, будучи “замечательно умным и чистоплотным зверем”, стал для него своего рода другом. Кстати, по словам как и самого Кона, так и его матери, реальное присутствие единственно близкого и дорогого человека в его детстве не приводило к формированию психологии “маменькиного сынка”, не способного к самостоятельному мышлению и действию.

Мне думается, что уже в раннем детстве Кон приобрел тот опыт одиночества, который стал отправной точкой не для последующего возможного отчуждения от мира людей, а для обретения способности к одиночеству как необходимой составляющей его интеллектуального развития, позволившей ему стать ученым с мировым именем. Речь идет об опыте пребывания ребенка, а впоследствии и взрослого человека в одиночестве при одновременном присутствии кого-то другого. Как справедливо заметил несколько десятилетий тому назад английский психоаналитик Д. Винникотт, подоб-

ную способность невозможно приобрести без опыта пребывания маленького ребенка в одиночестве в присутствии своей матери [Винникотт, 2000].

Для обретения способности к подобному одиночеству важно, чтобы кто-то был рядом. В этом случае ребенок может приобрести опыт, воспринимаемый им в качестве чего-то реального, а не воображаемого или иллюзорного. Именно этот опыт содействует не только формированию способности ребенка к одиночеству, но и сохранению ее в зрелые годы, что может стать стимулом дальнейшего интеллектуального развития и продуктивного творчества. Представляется, что мама Кона была той главной фигурой в его жизни, чье присутствие, с одной стороны, не содействовало обустройству его личной жизни в плане обретения семьи и детей, а с другой – оказалось благодатной почвой для обретения им способности к пребыванию в творческом интеллектуальном одиночестве, предопределившем его несомненные успехи в области философии, социологии, педагогики и сексологии.

Многочисленные получившие общественное признание книги Кона стали ему своего рода “детьми”, обеспечившими увековечивание его имени в истории отечественной и мировой научной мысли. Он усматривал смысл своей жизни в том, чтобы в доступной форме поделиться с читателями его книг той информацией, которую черпал главным образом из зарубежных источников, поскольку отечественная научная литература не могла похвастаться основательными знаниями, касающимися долгое время запретных тем, связанных с различными формами проявления человеческой сексуальности.

Кон не испытывал страха перед одиночеством, ибо именно оно не только позволяло длительное время пребывать в статусе “своего среди чужих” (зарубежных коллег) и “чужого среди своих” (отечественных ученых), но и сдержанно, интеллигентно реагировать на критику и экстремистские выходки со стороны наиболее оголтелых недоброжелателей, в своем непонимании смысла его публикаций полагавших, что автор таких книг, как “Вкус запретного плода. Сексология для всех” (1997), “Клубничка на березке. Сексуальная культура в России” (1997) или “Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви” (2003), подрывает устои культуры и призывает к насаждению разврата и вседозволенности.

Находясь наедине с собой в обществе матери, в собранной с годами домашней библиотеке научных трудов, художественной литературы и альбомов с репродукциями всемирно известных шедевров, Кон, скорее всего, рассматривал свое одиночество как самое ценное в своей жизни. Даже работа в одиночестве дома на компьютере, с которым он не очень дружил, доставляла ему определенную радость, поскольку электронные версии его текстов со временем превращались в опубликованные книги, а затем, дополненные им же, в официальные интернет-версии этих книг. Электронная почта предоставляла возможность общения с зарубежными и отечественными учеными, а его персональный сайт в Интернете был одним из наиболее часто посещаемых многочисленными пользователями, стремящимися приобщиться к интимному знанию в области сексологии.

Не могу не коснуться еще одного аспекта мироощущения Кона. Некоторое время он жил за границей, где занимался научными исследованиями благодаря предоставленному ему гранту. Вернувшись в новую Россию, он попал в типичную для многих ученых ситуацию: его работы оказались невостребованными, а материальное положение коллег – весьма плачевным. Иллюстрируя бедственное положение ученых, в переработанной, дополненной и выложенной в Интернете электронной версии книги “80 лет одиночества” Кон привел эпизод, который вызвал у него, по его собственному выражению, “глубокий шок”.

Он увидел меня в подземном переходе Ленинского проспекта, где я, будучи уже доктором наук, занимался отнюдь не научной деятельностью, а продажей словарей и справочников. И хотя Кон понимал, что я вынужденно занимался таким делом, поскольку надо было обеспечивать троих детей, тем не менее это произвело на него

неизгладимое впечатление, будучи ярким свидетельством того, до чего довели ученых и науку в целом в эпоху развала страны.

Наткнувшись на описание этого эпизода, я был поражен не тем, что Кон испытал шок от увиденного, а той деликатностью, с которой он воспроизвел данный сюжет в своих воспоминаниях, а также его признанием, что ему всегда не хватало таких качеств, как мудрость и доброта. Именно эти качества он приписывал мне, говоря о том, что с годами мои дети выросли хорошими людьми, а я продолжил заниматься наукой.

Мои дети не часто общались с Игорем Семеновичем Коном, но каждый раз при встрече со мной или моей женой он неизменно спрашивал об их здоровье и успехах. Лишь в последние годы его жизни одна из моих дочерей имела возможность не только близко общаться с ним, но и нашла в нем вдумчивого собеседника, интересующегося не только научными исследованиями, но и изобразительным искусством. Дело в том, что она увлеклась живописью и, получая второе высшее образование по специальности художник-живописец, в качестве дипломной работы писала портрет Кона. Он охотно позировал ей у себя дома, и это время было наполнено интересными разговорами о жизни, искусстве, культуре. Моя дочь открыла в Коне не только ученого, увлеченного своими изысканиями в области философии, социологии, сексологии, но и эрудита, проявлявшего повышенный интерес к произведениям искусства и побывавшего в картинных галереях и музеях различных стран мира.

В домашней библиотеке Кона оказалось множество альбомов и книг о творчестве различных художников, а на одной из стен кабинета висели две репродукции экспрессионистов. Позируя, он делился своими воспоминаниями о музеях Австрии, Германии, Италии, США, где ему довелось побывать. Рассказывая об увиденных картинах, он рекомендовал моей дочери, собиравшейся поехать в Париж, те достопримечательности и музеи, которые, на его взгляд, заслуживают особого внимания. Вспоминая о своем посещении музеев в Италии, Кон говорил ей о том, что обошел почти все достопримечательности и даже “пресытился” искусством. При этом заметил, что, на его взгляд, скульптуру можно разглядывать сколько угодно, без ограничений, тогда как от живописи устаешь. Это уже потом, пояснил он, умные художники научили его не ходить в музей смотреть все за раз, а выбирать несколько конкретных работ, залов.

Однажды, делая первые наброски, молодая художница спросила Кона, что, на его взгляд, обязательно должно быть изображено в его портрете и что может наилучшим образом отразить его личность? Его ответ был таков: “Да ничего особенного. Я вообще считаю неправильным говорить художнику, как и что надо изображать. Это было бы неуважением к его труду. Известный художник порой рисует очень непохоже, но раз он так увидел, значит, это важно”.

Во время позирования Кон не только увлеченно и серьезно говорил о своих научных исследованиях или произведениях искусства, но подчас был очень остроумным, к месту рассказывал анекдоты. В частности, размышляя о мастерстве художников, он поделился с моей дочерью следующим анекдотом, пользовавшимся популярностью в советские времена:

«Жил был художник. И однажды царь приказал ему сделать его портрет. Задача была для художника очень непростой, так как царь был на один глаз кривой. Если бы он нарисовал его красиво, тот обвинил бы его в лести. А если бы с уродливым лицом, то художнику точно было бы не сносить головы. Что же ему было делать? Художник был мудр и сказал царю: “Такого прославленного монарха и полководца я могу нарисовать не иначе, как в профиль, целящимся из лука”. И он нарисовал великолепный портрет царя. Царь сделал его придворным художником и одарил всеми благами. Так вытъем же за социалистический реализм!».

Эти личные встречи моей дочери с Коном оказались столь плодотворными для нее, что она до сих пор с благодарностью вспоминает о них. По его собственному признанию, ему также было приятно общаться с молодой художницей, беседы с которой доставляли истинное удовольствие, о чем он непременно говорил, когда мы встречались с ним на улицах или обсуждали те или иные вопросы у него на квартире.

Я понимал, что публикация книги “Мужское тело в истории культуры”, содержащей прекрасные иллюстрации художников и скульпторов различных эпох, требовала от Кона знакомства со многими произведениями искусства. Тем не менее для меня было приятной неожиданностью, что он, как оказывается, проявлял повышенный интерес к изобразительному искусству. Стало более понятным и то, что его творческое одиночество протекало в приятной компании не только древних мудрецов и современных ученых, с которыми он мысленно общался во время написания своих многочисленных книг и статей, но и всемирно известных художников, к творениям которых он обращался как в процессе подборки соответствующих иллюстраций, так и в часы отдохновения о трудов праведных. Возвратившись в Москву из Франции, моя дочь, к сожалению, не успела подарить Кону репродукцию Фландрена, которую она привезла специально для него из Лувра. И свою дипломную работу, тот самый портрет, ей пришлось завершать уже после его ухода из жизни.

Одиночество Кона было обусловлено также тем, что он не хотел беспокоить лишних раз людей, с которыми ему приходилось порой общаться по долгу профессиональной деятельности или в силу различных житейских обстоятельств. Казалось бы, он мог обратиться ко мне, к моей жене или к моей дочери с просьбой, скажем, помочь по хозяйству... Но (за исключением того, что однажды, боясь опоздать на утренний рейс самолета, он попросил одолжить ему будильник) Кон ни разу не обращался к нам, считая для себя неудобным беспокоить отца и мать троих детей или девушку, усиленно трудившуюся над дипломом. Точно так же он предпочитал избегать публичного чествования в дни своих юбилеев, каждый раз уезжая куда-нибудь подальше из столицы, чтобы не обременять жалобами сотрудников, друзей и знакомых.

Кон не любил юбилеи, они напоминали ему похороны. Не без юмора он писал по этому поводу: “Единственная разница, что покойник спокойно лежит и слушает, как его хвалят, а юбиляр, если он сам или его друзья не подсуеются, то и дело будет ощущать, что его недохвалили. Конечно, когда хвалят – приятнее, чем когда ругают, тем более что хотя на чужих юбилеях люди фальшивят, на твоём они говорят чистую правду. Но я человек скептического склада ума, стараюсь не доставлять окружающим лишних забот” [Кон, 2008, с. 8].

Зная о неминуемой кончине по причине внезапно обнаруженного заболевания, в последние дни своей жизни Игорь Семенович Кон также старался сделать все от него зависящее, чтобы и после ухода в мир иной ничем не обременять близких. Последним штрихом его одиночества стало оставленное им завещание, согласно которому он просил на похоронах не произносить пышных речей, тело предать кремации, пепел развеять по ветру и не устраивать поминки.

Хочу отметить и то обстоятельство, что Кон философски относился к самому факту смерти человека. За день до кончины в телефонном разговоре со мной он пояснял, что не боится смерти и что много лет тому назад писал о феномене смерти как таковой. А вот во время позирирования моей дочери он говорил, что человека нельзя заставить жить и, в конце концов, каждый имеет право умереть так, как ему хочется. При этом он то ли с горечью, то ли с сарказмом заметил: “Вообще в нашей стране нельзя ни болеть, ни умирать. Болеть – потому что это очень дорого и тяжело для близких, а умирать – потому что это тоже очень дорого и хлопотно для родственников”.

За три года до ухода Кон констатировал, что ему на жизнь грех жаловаться. По этому поводу в исправленной и дополненной электронной версии своей книги “80 лет одиночества” он подчеркнул: “Я изучал то, что хотел; постоянно тренировал и оттачивал свой интеллект; успешно преодолевал или обходил бесчисленные цензурные и бюрократические препоны; научился излагать сложные мысли в форме, доходчивой до среднего идиота, если только он не является представителем власти...” [Кон].

Словом, оставаясь самим собой даже в самых трудных житейских ситуациях, Кон сохранил свою индивидуальность, честь и достоинство человека, посвятившего всю свою жизнь научным исследованиям и доведением в доступной форме до сознания людей тех обширных, энциклопедических знаний, которыми обладал. В этом отно-

шении его одиночество было не только не обременительным, загоняющим в тупики аутистически-нарциссического ухода в себя, но, напротив, плодотворным, способствующим реализации творческого потенциала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бердяев Н. Опыт философии одиночества и общения. М., 1993.

Винникотт Д. Способность к одиночеству // Антология современного психоанализа. Т. 1. М., 2000.

Кон И.С. 80 лет одиночества. М., 2008.

Кон И.С. 80 лет одиночества. Испр. и доп. (<http://www.pseudology.org/Kon/80Let/index.htm>).

Кон И.С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М., 1984.

Кон И.С. Личность и общество: возвращаясь к проблеме отчуждения // Иностранная литература. 1966. № 5.

Кон И.С. Многоликое одиночество // Знание – сила. 1986. № 12.

Кон И.С. Понятие отчуждения в современной социологии // Материалы к научной сессии, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1967.

© В. Лейбин, 2012